

# Археологические вести

26  
(2020)

*К 90-летию Александра Даниловича Грача*



САНКТ-ПЕТЕРБУРГ  
2020

Издание основано в 1992 году

*Редакционная коллегия:*

Н. В. Хвоцкая (главный редактор), О. И. Богуславский, В. С. Бочкарев, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова

*Редакторы-составители:* А. В. Поляков, Н. Ю. Смирнов, М. Т. Кашуба

*Рабочая группа:* В. С. Бусова, М. Е. Килуновская, Н. А. Лазаревская, Д. Г. Савинов

*Рецензенты:* доктор исторических наук, профессор И. Л. Тихонов, доктор исторических наук, профессор В. В. Бобров

**Археологические вести**, Институт истории материальной культуры РАН. – 1992. – Вып. 26 / [Гл. ред. Н. В. Хвоцкая]. – СПб., 2020. – 304 с.: ил.

ISSN 1817-6976

В очередном выпуске «Археологических вестей» ИИМК РАН публикуются избранные материалы, представленные участниками конференции «Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург – 2», прошедшей в г. Санкт-Петербурге в декабре 2018 г. Конференция была приурочена к 90-летию со дня рождения А. Д. Грача – выдающегося отечественного археолога, крупного исследователя древностей Центральной Азии и основателя двух направлений в рамках ленинградской археологической школы: археологического изучения Тувы и археологического изучения Ленинграда / Санкт-Петербурга. Отдельный раздел затрагивает актуальные проблемы спасательных археологических исследований в зонах затоплений на примерах работ отечественных и иностранных ученых. В мемориальной части помещены воспоминания младших коллег и друзей А. Д. Грача о его научном пути в археологии, разносторонне характеризующие его личность и вклад в развитие археологии Тувы и Санкт-Петербурга. Важную часть составляют документальные свидетельства, связанные с работой А. Д. Грача в ЛОИА АН СССР, его руководством крупнейшей в СССР Саяно-Тувинской экспедицией Академии наук, а также решение Ученого совета ИИМК РАН об ошибочности его увольнения из ЛОИА АН СССР и признании его заслуг перед отечественной археологией. Издание сопровождается фотографиями, хранящимися в Научном архиве ИИМК РАН и в личных архивах авторов, многие из которых публикуются впервые.

The current issue of the “Arkheologicheskie Vesti” (Archaeological News) of the Institute of the History of Material Culture RAS includes selected materials presented by participants of the conference “Ancient cultures of Central Asia and Saint Petersburg – 2” held in Saint Petersburg in December, 2018, and timed to the 90th anniversary of A. D. Grach – a prominent national archaeologist, outstanding researcher of antiquities of Central Asia and the founder of two Leningrad archaeological schools: archaeological studies of Tuva and archaeological investigations of Leningrad / Saint Petersburg. A particular section is concerned with urgent problems of rescue archaeological investigations in submergence zones at the examples of Russian and foreign scholars. The memorial part contains reminiscences by younger colleagues and friends of A. D. Grach about his scientific career in archaeology characterizing many aspects of his personality and his contribution to the progress of archaeology of Tuva and Saint Petersburg. An important part was constituted by documentary evidence concerned with A. D. Grach’s work in the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology (LOIA), AS USSR, and his guidance of the largest in the USSR Sayan-Tuva Archaeological Expedition of the Academy of Sciences, as well as the resolution of the Scientific Council of IIMK on the fallaciousness of his dismissal from the LOIA AS USSR and recognition of his service to the national archaeology. The publication includes photographs kept at the Scientific Archives of IIMK RAS and in personal archives of the authors; many are published for the first time.

Обложка / Cover:

Первая страница – Роговая поясная пряжка из кургана 13 могильника Саглы-Бажи II (к статье Л. С. Марсадолова)  
Fist page of cover – Horn belt buckle from barrow 13 at the cemetery of Sagly-Bazhi II (article by L. S. Marsadolov)

Четвертая страница – Дорога в Старый Шагонар (ныне – дно Тувинского моря) и петроглифы Овюра (петроглифы – к статье В. С. Бусовой, М. Е. Килуновской)

Fourth page – Road to Stary (Old) Shagonar (now bottom of the Tuva Sea) and petroglyphs in Ovyur (petroglyphs – article by V. S. Busova and M. E. Kilunovskaya)

© Институт истории материальной культуры РАН, 2020

© Коллектив авторов, 2020

© Российская академия наук, продолжающееся издание  
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2020

ISSN 1817-6976

# СОДЕРЖАНИЕ

От редакции .....	9
<i>А. В. Поляков, Н. Ю. Смирнов, М. Т. Кашиба.</i> Предисловие .....	10

---

## А. Д. Грач в воспоминаниях современников и коллег

<i>С. Н. Астахов.</i> А. Д. Грач и Саяно-Тувинская археологическая экспедиция .....	14
<i>Д. Г. Савинов.</i> Археология Тувы в трудах Александра Даниловича Грача (Интервью 20 декабря 2019 г.) .....	21
<i>М. А. Дэвлет.</i> Вспоминая А. Д. Грача .....	32
<i>Б. Б. Овчинникова.</i> Воспоминания об А. Д. Граче .....	34
<i>Е. В. Власова.</i> Александр Данилович Грач .....	36
<i>А. В. Виноградов, О. В. Лозовская.</i> Птенцы гнезда Грачова .....	38
<i>Н. Л. Дементьевая.</i> Об Александре Даниловиче Граче и работе в СТЭАН (Интервью 23 января 2020 г.) .....	48

---

## Документы свидетельствуют

<i>Н. Ю. Смирнов.</i> Предисловие к разделу .....	56
[Автобиография А. Д. Грача, 1963 г.] .....	57
Приказ о приеме на работу А. Д. Грача .....	58
Приказ о создании СТЭАН и назначении А. Д. Грача ее начальником .....	58
Приказ об увольнении А. Д. Грача .....	59
Решение Ученого совета о признании заслуг А. Д. Грача .....	60
<i>Приложение № 1.</i> Материалы, учтенные и проанализированные рабочей группой Ученого совета ИИМК РАН .....	61
Моменты жизни Александра Даниловича Грача .....	63

---

## В центре степного континента

<i>А. Г. Акулов.</i> Взлет к востоку: мемориальная архитектура Центральной Азии в древности .....	81
<i>А. В. Поляков.</i> Погребения катакомбного типа в материалах окуневской культуры .....	98
<i>С. В. Сотникова.</i> Парные разнополые погребения андроновской (фёдоровской) культуры юга Западной Сибири .....	111
<i>В. М. Лурье.</i> К вопросу об истоках сложения домостроительной традиции в Минусинских котловинах в позднем бронзовом веке .....	117
<i>А. А. Горячев, Т. А. Егорова.</i> Изображения воинов с оружием в петроглифах эпохи бронзы Семиречья .....	123

<i>Н. А. Боковенко.</i> Культуры nomadov Саяно-Алтая в начале I тыс. до н. э. . . . .	128
<i>К. В. Чугунов.</i> Тува в первом тысячелетии до н. э.: модель мультикультурности . . . . .	136
<i>Н. Ю. Кузьмин.</i> О новой датировке Большого Салбыкского кургана и хронологии тагарских памятников . . . . .	144
<i>Л. С. Марсадолов.</i> Новая датировка кургана № 9 могильника Куйлуг-Хем I в Туве (по материалам раскопок А. Д. Грача) . . . . .	152
<i>Е. В. Переводчикова.</i> О дате кургана Аржан-2 . . . . .	159
<i>А. З. Бейсенов, И. К. Ахияров, Н. Ш. Джуманазаров, Д. Б. Дүйсенбай.</i> Оленный камень на кургане с «кусами» в долине Койшокы в Центральном Казахстане . . . . .	166
<i>А. В. Варенов.</i> Семантика наскальных изображений стилизованных оленей и сцен с хтоническими хищниками в Китае . . . . .	178
<i>В. С. Бусова, М. Е. Килуновская.</i> Археологические памятники Овюра: история изучения, современное состояние и перспективы исследований . . . . .	188
<i>С. В. Панкова.</i> Меховые одежды из могильника Оглахты: шубы из погребения 4 . . . . .	202
<i>Д. Г. Савинов.</i> К истории похода 711 года: древние тюрки на северо-западе Минусинской котловины . . . . .	216
<i>А. А. Тишкун.</i> Рентгенофлюoresцентный анализ металлических деталей наборного пояса . монгольского времени из памятника Кармацкий (Верхнее Приобье) . . . . .	230

---

**Сомкнувшиеся воды: археология в зоне строительства водохранилищ**

---

<b>Из истории исследований СТЭАН в Саянском каньоне Енисея</b>	
(Публикация и комментарии – Н. Ю. Смирнов) . . . . .	236
<b>Часть 1.</b> <i>Г. В. Длужневская (†).</i> Памятники эпохи железа в Саянском каньоне реки Енисей {Доклад на Секторе Ср[едней] Азии и Кавказа 12/XI-79 г[ода]}, Приложение 1 (рукописное дополнение) . . . . .	238
<b>Часть 2.</b> Протокол № 28 заседания Сектора Средней Азии и Кавказа от 12 декабря 1979 г. . . . .	244
<b>Часть 3.</b> <i>Г. В. Длужневская (†).</i> Археологические памятники эпохи железа в Саянском каньоне реки Енисей (Улуг-Хем) . . . . .	245
<i>Т. Р. Садыков.</i> Возможности получения дополнительной информации из давно исследованных памятников на дне Тувинского моря . . . . .	248
<i>Сент-Джон Симпсон.</i> Археология и политика в век плотин: обзор материалов по Ираку . .	260

---

**На краю степной ойкумены: Северное Причерноморье**

---

<i>Т. В. Рябкова.</i> О комплексе одного из Семиколенных курганов в собрании Эрмитажа . . . . .	272
<i>В. Ю. Зуев.</i> Феномен зеркал борисфенитского типа в Евразии эпохи скифской архаики . . . . .	283

---

**Археология Санкт-Петербурга**

---

<i>С. Е. Шуньгина.</i> Итоги археологической разведки на территории бывшего сахарного завода в Санкт-Петербурге . . . . .	294
Список сокращений . . . . .	302

# ТУВА В ПЕРВОМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н. Э.: МОДЕЛЬ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОСТИ

К. В. Чугунов<sup>1</sup>

**Аннотация.** На примере периодизации археологических культур Тувы автором предлагается модель мультикультурности, которую необходимо учитывать при реконструкции процессов культурогенеза. Определение всего круга древностей Тувы, предшествующего эпохе ранних кочевников, как монгун-тайгинской культуры, имеет право на существование только в качестве исследовательского конструкта, включающего в себя все многообразие типов памятников. Периодизация А. Д. Грача предполагала смену алды-бельской культуры носителями саглынской культуры. Однако новые материалы показывают существование различных культурных моделей. Носители алды-бельской культуры, пришедшие в Туву после появления здесь памятников аржанского типа, вероятно, составили всадническую элиту общества. Уюкский тип памятников, выделенный в рамках саглынской культуры, отражает сохранение некоторых традиций раннескифского времени. Вместе с тем инновации свидетельствуют о смене культур, а не об эволюционном развитии. Поздний, озен-ала-белигский этап эпохи ранних кочевников Тувы достаточно монолитен, но и в этот период наблюдается мультикультурность. Возможно, они оставлены переселенцами-земледельцами, мигрировавшими сюда в связи с активностью сюнну.

**Annotation.** At the example of the periodization of archaeological cultures of Tuva, the present author proposes a model of multiculturalism which must be taken in consideration in reconstructions of the processes of cultural genesis. The entire circle of antiquities of Tuva prior to the epoch of early nomads is defined as the Mongun-Tayga culture. This definition is justified only as a research constructs comprising the whole diversity of the sites. A. D. Grach's periodization implied the replacement of the Aldy-Bel' culture by the bearers of the Sagly culture. However, the new materials demonstrate the coexistence of different cultural models. The bearers of the Aldy-Bel' culture who came to Tuva after the appearance of sites of the Arzhan type probably constituted the horsemen elite of the society. The Uyuk type of the sites, identified within the frame of the Sagly culture, reflects retention of certain traditions of the early Scythian period. At the same time, the innovations indicate a replacement of cultures rather than their evolutionary development. The late, Ozen-Ala-Belig stage of the epoch of early nomads of Tuva is fairly monolithic, but of this period multiculturalism is characteristic which is traced through materials of flat-grave necropolises. Possibly, the latter were left by the agriculturalists who migrated here because of the activity of the Xiongnu.

**Ключевые слова:** алды-бельская культура, саглынская культура, монгун-тайгинская культура, уюкский тип памятников, поздний бронзовый век, эпоха ранних кочевников, скифский период, Тува, периодизация, озен-ала-белигский этап, мультикультурность.

**Keywords:** Aldy-Bel' culture, Sagly culture, Mongun-Tayga culture, Uyuk type of sites, Late Bronze Age, epoch of Early Nomads, Scythian period, Tuva, periodization, Ozen-Ala-Belig stage, multiculturalism.

[doi.org/10.31600/1817-6976-2020-26-136-143](https://doi.org/10.31600/1817-6976-2020-26-136-143)

Археологические исследования показывают, что на рубеже II–I тыс. до н. э. в горностепных регионах Центральной Азии этнокультурная ситуация была чрезвычайно сложной. Определение всего круга древностей Тувы, предшествующего эпохе ранних кочевников, как монгун-тайгинской культуры, безусловно, имеет право на существование, но только

в качестве исследовательского конструкта, включающего в себя все многообразие типов памятников. Неслучайно А. Д. Грач, впервые систематизировавший безынвентарные подкурганные захоронения, оперировал понятием «курганы монгун-тайгинского типа» (Грач, 1971). Построение на имеющемся материале колонной секвенции культур финала бронзового века и переходного к раннему железному веку времени едва ли возможно по причине отсутствия в комплексах устойчивого набора признаков. Показателем культурной мозаичности населения

<sup>1</sup> 190000, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 34. Государственный Эрмитаж, Отдел археологии Восточной Европы и Сибири.  
Адрес электронной почты: chugunov@mail.ru.

в регионе является выделенный недавно иджимский тип памятников, который в целом можно датировать в пределах XII–IX вв. до н. э. (*Амзараков и др.*, 2015. С. 80). Возможно, дальнейшая разработка хронологии и периодизации культур на территории Монголии и Китая помогут вычленить из общего массива монгун-тайгинских комплексов складывающие этот культурный пласт компоненты. Однако едва ли это будут «чистые» мунх-хайрханские или байтагские памятники, выделенные в Монголии (*Ковалёв, Эрдэнэбаатар*, 2010; 2014).

Ситуация мультикультурности в горностепных областях хорошо известна по данным этнографии. Очень показательные примеры дают исследования этнической истории южных районов Таджикистана и Кавказа, где на очень ограниченной территории одновременно обитали десятки разноэтнических народов, имеющих свою материальную культуру, язык и происхождение (*Кармышева*, 1976; *Карпов*, 2007; *Карпов, Каустина*, 2011). Их относительная изолированность была обусловлена ландшафтом разделенных горными хребтами долин, а взаимопроникновение традиций – общей ориентированностью хозяйственной деятельности на скотоводство. Внешние импульсы способствовали смешиванию различных культурных традиций в горных областях. Подобные процессы, вероятно, имели место и в древности. Далеко не всегда их можно зафиксировать археологически, особенно учитывая специфический безынвентарный погребальный обряд, распространенный у субстратного населения Центральной Азии. Тем не менее подобную мультикультурность – одновременное проживание в пределах одного региона населения с различными по происхождению традициями – необходимо учитывать при анализе источников и разработке периодизации.

На первый взгляд древности эпохи ранних кочевников можно гораздо увереннее систематизировать и представить в виде периодизации. Разработки в этом направлении начались еще в середине прошлого столетия, причем авторы их основывались на материалах первых и очень немногочисленных на тот момент комплексов скифского времени (*Кызласов*, 1958; *Вайнштейн*, 1958; *Маннай-оол*, 1970). Первые периодизации в целом демонстрировали эволюционный подход к древностям Тувы в рамках

уюкской или казылганской культуры. В то же время необходимо отметить, что Л. Р. Кызласов допускал существование в Туве различных этнических групп в раннескифское время (*Кызласов*, 1979. С. 32–47). Несмотря на то, что такие выводы подчас строились на основании отнесения ряда монгун-тайгинских курганов к этому периоду без особых доказательств, сама идея мультикультурности в рассуждениях исследователя имела место.

С началом работ СТЭАН база источников многократно расширилась, что позволило по-новому взглянуть на развитие культуры скифского типа в регионе. Периодизация А. Д. Грача декларировала идею поликультурности – последовательную смену населения в результате внешних инвазий. Несмотря на активную критику со стороны сторонников эволюционной модели, она показала свою жизнеспособность. Так или иначе, все дальнейшие исследования древностей Тувы скифского времени опираются на обоснованные А. Д. Грачом культурные дефиниции, развивая их на новом материале.

Не принимая во внимание отдельные расхождения в названиях, в целом археологическую периодизацию Тувы скифского времени можно представить в виде колонной секвенции археологических культур следующим образом:

1. Памятники аржанского типа, включая курган Аржан, и синхронные им курганы шанчигского типа: IX – середина VIII в. до н. э.
2. Алды-бельская культура, включая курган Аржан-2: середина VIII – начало или середина VI в. до н. э.
3. Уюкско-саглынская (саглынская) культура. Уюкский этап (тип памятников), середина VI – V в. до н. э.; саглынский этап (тип памятников), V–III вв. до н. э.; озен-ала-белигский этап, III–II вв. до н. э.

Такая периодизация, восходящая к поликультурной модели, предложенной А. Д. Грачом, в целом отвечает требованиям систематизации материалов эпохи ранних кочевников, получаемых в ходе современных исследований археологических памятников Тувы. Однако если археологическое изучение в итоге предусматривает реконструкцию культурно-исторической ситуации в регионе, то каждый из

трех пунктов этой колонки нуждается в существенных дополнениях и комментариях.

1. Начало эпохи кочевников связывается с курганом Аржан и памятниками шанчигского типа. Сейчас уже известен комплекс кургана Аржан-5, синхронный Аржану, расположенный рядом с ним и явно возведенный тем же населением. Курган 17 могильника Баданка IV, исследованный в соседней долине р. Ус, вероятно, близок по времени, хотя предположение о его несколько более раннем возрасте заслуживает внимания (Боковенко, 1995. С. 89). По-видимому, к этому же культурному кругу можно отнести и элитный курган Туннуг, раскопки которого только начались. Во всяком случае, первые радиоуглеродные даты, полученные для образцов дерева из этого памятника (*Caspary et al.*, 2018. Р. 86), не выходят за пределы IX в. до н. э. Еще один комплекс, содержащий, как и курган в Баданке, захоронение с лошадьми и имевший деревянные конструкции с захоронением на горизонте, исследован В. А. Киселем на могильнике Догээ-Баары 2 (Кисель, 2015). Автор предполагает еще более раннюю его дату и реконструирует вероятное проникновение в Туву носителей всаднических традиций уже в последней трети II тыс. до н. э. (Кисель, 2015. С. 65). Дата кургана, предлагаемая в интервале XII–IX вв. до н. э., соответствует упомянутому выше иджимскому типу памятников, что указывает на мультикультурность населения Тувы и в этот период.

2. При выделении алды-бельской культуры раннескифского времени А. Д. Грач оперировал материалами лишь 14 могильников из раскопок СТЭАН. Сейчас их количество насчитывает несколько десятков, и, кроме того, исследован «царский» погребально-поминальный комплекс Аржан-2, относящийся к ней. Несмотря на многократно расширявшуюся базу источников, надо признать, что ареал этих памятников не распространяется на всю территорию Тувы. На юге классические алды-бельские памятники неизвестны, но раскопан большой курган Холаш с наземными цистами вокруг центральной ограбленной могилы (Семенов, 1997). Это позволяет предполагать здесь продолжение существования традиций монгунтайгинской культуры еще в раннескифское время. Вероятно, такую мультикультурную модель можно

распространить на Туву в целом. На это указывают случаи взаимного перекрывания алды-бельских и монгунтайгинских курганов (*Грач*, 1980. С. 122–124), а также планиграфическое сочетание их в пределах одних некрополей (*Должневская*, 1985. С. 201; *Савинов*, 2002. С. 91; *Килуновская*, 2014. С. 88). Это позволяет рассмотреть алды-бельскую культуру Тувы несколько под другим углом. Относительная немногочисленность ее памятников, вероятно, может говорить о том, что эти курганы оставлены группой пришлого населения, которая заняла доминирующую позицию по отношению к местному монгунтайгинскому субстрату, но не поглотила его, а сосуществовала с ним, по каким-то причинам не смешиваясь. Доживание носителей монгунтайгинской культуры до уюкско-саглынского времени сейчас подкреплено антропологическими исследованиями. Сравнительный анализ краниологических серий из Тувы показал разный антропологический субстрат у населения, оставившего алды-бельскую и уюкско-саглынскую культуры, что, казалось бы, является окончательным аргументом в решении вопроса последовательной смены населения в середине скифского времени. Однако наиболее близкой в антропологическом отношении группой для более поздней серии черепов из уюкско-саглынских памятников является серия из курганов монгунтайгинской культуры (*Чикишева*, 2008. С. 135–137). Не исключено, что единичные случаи коллективных захоронений по монгунтайгинскому обряду (*Савинов*, 2002. С. 91) демонстрируют позднейшую фазу существования погребальной практики этой культуры и датируются уже концом раннескифского времени.

3. Памятники уюкского типа – комплексы, переходные от раннескифского к скифскому времени, как предложено было их именовать Вл. А. Семёновым (*Семенов*, 1992), – распространены только в северных и центральных районах Тувы, т. е. в ареале алды-бельской культуры. Они сочетают в своих материалах признаки алды-бельского культурного комплекса и более позднего саглынского (по А. Д. Грачу), что, казалось бы, возвращает к жизни эволюционную модель развития культуры в Туве. Тем не менее это не так, о чем свидетельствуют факты, приведенные ниже.

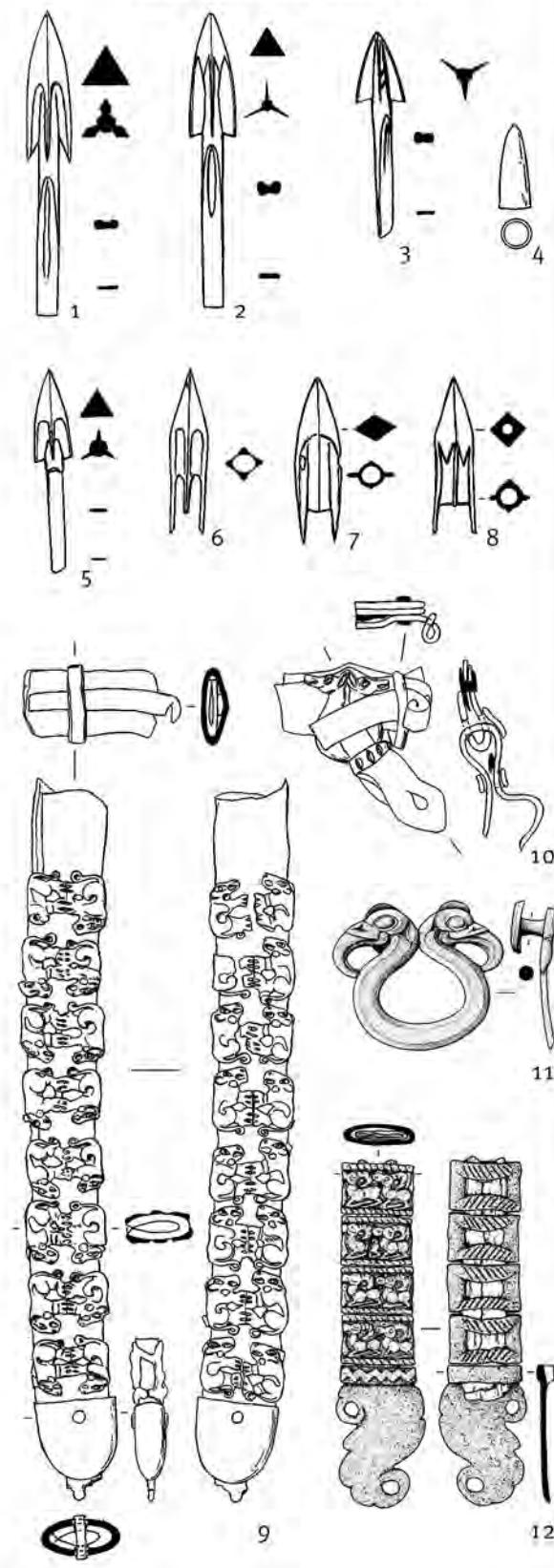
Безусловно, какая-то часть носителей алды-бельской культуры могла быть ассимилирована мигрантами, пришедшими сюда из более западных по отношению к Туве областей, сохранив некоторые свои традиции. Однако в культуре населения начиная с середины VI в. до н. э. фиксируются изменения, которые невозможно объяснить эволюцией традиций раннескифского времени. Коренным образом меняется погребальный обряд, на что указывал еще А. Д. Грач; а в металлургии начинают доминировать мышьяковые бронзы взамен оловянной рецептуры сплавов (Хаврин, 2002). Способ подвешивания оружия к поясу с использованием массивных обойм, ворворок и крючков (рис. 1, 22–27) также является инновацией, вытеснившей алды-бельские подкововидные пряжки (рис. 1, 10, 11). Характерным признаком уюкского типа памятников можно считать весьма единобразные в типологическом отношении колчанные наборы с абсолютным доминированием трехлопастных и трехгранных бронзовых наконечников стрел с укороченным черешком (рис. 1, 13–15, 17–19). В уюкских колчанах еще могут лежать несколько экземпляров втульчатых трехгранных стрел (рис. 1, 16) и стрел с пулевидными роговыми наконечниками (рис. 1, 4), восходящих к традициям предшествующего времени; встречаются даже архаичные двухлопастные втульчатые наконечники<sup>2</sup>, но состав стрелкового набора лучника меняется кардинально (рис. 1, ср. 1–8 и 13–19). Исчезают алды-бельские наборные пояса со свисающими вниз концами, украшенными художественными обоймами (рис. 1, 9, 12). Взамен их новое население использует пояса, декорированные бабочковидными бляхами (рис. 1, 20, 21), и крупные пряжки, стягивающие поясной ремень на животе. В искусстве звериного стиля появляются образы фантастических существ, отсутствующие у носителей алды-бельской культуры. Различия в антропологии, на которые было указано выше, завершают картину смены населения в Туве в это время.

<sup>2</sup> Неоднократно отмеченное единичное присутствие в колчанах одного архаичного по типу или просто выделяющегося «особенного» наконечника, вероятно, могло быть обусловлено ритуальными практикамиnomадов, связанными со стрелами (Рябкова, 2002. С. 11–12; Чугунов, 2018. С. 30).

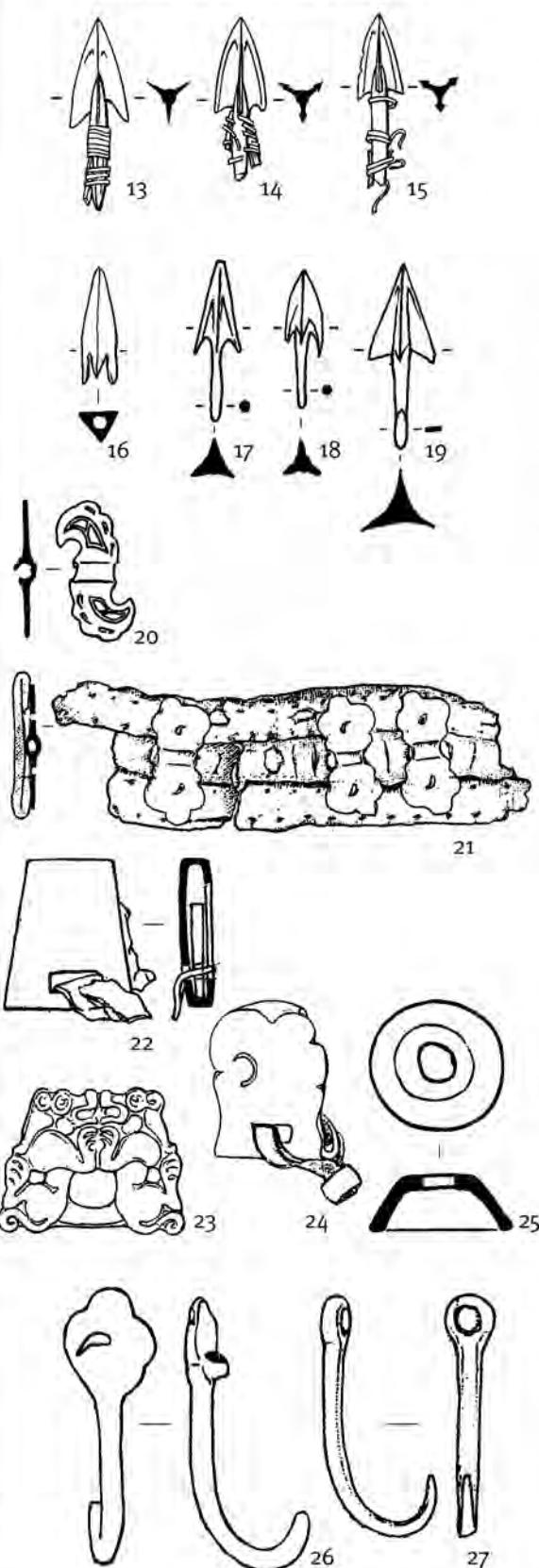
Уюкский тип памятников практически неизвестен на юге Тувы, на что уже указывалось (Чугунов, 2001). Это можно объяснить тем, что смена культуры в регионе совпала с аналогичными изменениями на территории соседнего Горного Алтая и появлением там носителей пазырыкской культуры. Южные области, безусловно, находились под ее мощным воздействием, что наложило отпечаток на весь облик саглынской культуры. На севере Тувы население, оставившее уюкский тип памятников, вероятно, сохранилось дольше, чем в других районах. Возможно, что это объясняется существованием здесь еще со времени Аржана некрополей элиты, захоронения в которых продолжали осознаваться как могилы предков.

Поздний, озен-ала-белигский этап культуры скифского типа Тувы достаточно монолитен. Верхняя его дата – II в. до н. э. – едва ли отражает реальное время исчезновения уюкско-саглынских традиций. На это указывают как ряд элементов погребального обряда, так и некоторые находки в грунтовых некрополях Терезин и Ала-Тей I, датированных уже рубежом эр. В частности, здесь встречены специфические бронзовые прорезные наконечники стрел, а в искусстве продолжают бытовать образы ушастого грифона (Леус, Бельский, 2016. С. 101, рис. 6). Вероятно, местное население далеко не сразу было ассимилировано. Именно субстратная основа, по-видимому, сохранила традиции скифского времени в памятниках, которые выделялись А. Д. Грачом в улуг-хемскую культуру, на что указывают и авторы раскопок (Килуновская, Леус, 2018). Эти грунтовые могильники появились здесь, несомненно, под влиянием культуры сюнну, но сам бескурганный погребальный обряд не имеет истоков в местной среде. В качестве гипотезы можно высказать следующее соображение: такой способ захоронений появился в Туве с оседлыми переселенцами с юга, практиковавшими земледелие в пойме Енисея. Если посмотреть шире, то эта ситуация аналогична мультикультурной модели, которая выявляется в бассейне Верхней Оби для более раннего времени, где в сравнительно небольшом регионе выделено несколько одновременных археологических культур. Не исключено, что грунтовые могильники староалейской культуры (Фролов, 2008. С. 158) так же, как и более поздние памятники Тувы, можно

## АЛДЫ-БЕЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА



## ЮОКСКО-САГЛЫНСКАЯ КУЛЬТУРА



связать с миграцией из областей распространения бескурганного погребального обряда – из северного или северо-западного Китая (?).

Итак, если рассматривать культурно-историческую ситуацию в Туве в I тыс. до н. э. с позиций мультикультурности, то необходимо учитывать процессы, фиксируемые как в соседних областях, так и на востоке Евразии в целом. В позднем бронзовом веке здесь выявляется довольно мозаичная картина, которая предполагает сосуществование на определенном этапе различных культурных традиций. Представляется, что в это время горные долины Верхнего Енисея, с одной стороны, были периферийной зоной круга археологических культур Монголии, с другой – транзитной территорией, через которую проходили пути в Минусинскую котловину и обратно. Кроме того, памятники шаньчигского типа по всем признакам соответствуют ранним комплексам бийкенской культуры Горного Алтая, что, по сути, свидетельствует об их однокультурности. Общность их происхождения, вероятно, связана с близким субстратом, определяемым на данном этапе как монгун-тайгинская культура. Формирование в Туве культурного комплекса аржанского типа, несомненно, было составной частью процессов, происходивших далеко на юго-востоке, в пограничной зоне государств Древнего Китая, которая определяется Джессикой Роусон как Дуга (*Rawson, 2017*). Однако по-прежнему актуальной задачей остается определение направления вектора влияний, обусловивших очевидные параллели в культурном комплексе памятников предскифского времени Кавказа и Северного Причерноморья, с одной стороны, и Аржана, с другой.

Носители алды-бельской культуры появились в Туве, вероятно, с территории Казахстана, чему способствовала родственная субстратная основа племен Горного Алтая в предыдущий период. Близость материального комплекса тасмолинской

культуры синхронным древностям Тувы очевидна, что отмечалось еще А. Д. Грачом на несравненно меньшем материале (*Грач, 1980. С. 78*). Несколько курганов, исследованных в Центральной Туве (*Семенов, 2012. С. 432–435*) и отличающихся по особенностям погребального обряда, но содержащих материалы раннескифского времени, показывают присутствие инокультурного компонента и в среде алды-бельского населения, которое появилось здесь, вероятно, уже после сооружения кургана Аржан.

Смена археологических культур в Туве в середине I тыс. до н. э. проходила в контексте глобального изменения этнополитической картины на огромной территории. Помимо ахеменидской активности на западе (*Савинов, 2002. С. 102–103*), нельзя забывать, что и на юго-востоке от Тувы, на территории Древнего Китая, эпоха относительной стабильности – период Вёсен и Осеней – сменилась периодом Враждующих Царств. Сейчас очевидно, что в это время прекращают существование многие археологические культуры, распространенные в первой половине I тыс. до н. э. Исследователи вынуждены констатировать, что памятники, ранее соотносимые с поздними этапами региональных периодизаций скифского времени, сейчас могут датироваться более ранним временем. Такая ситуация наблюдается для культуры плиточных могил Забайкалья и Монголии (*Цыбиктаров, 1998. С. 114–125*), а также для тасмолинской культуры Казахстана (*Бейсенов, 2015. С. 28*). Население степи, и до того очень подвижное, еще больше смешивается, о чем говорят и заключения антропологов, констатирующие чрезвычайную гетерогенность многих популяций, вовлеченных в процесс становленияnomadизма. Разнонаправленные миграции и чрезвычайно возросшая коммуникативная активность не способствовали сохранению гомогенности населения как в отдельных локальных областях, так и вообще в азиатском регионе.

**Рис. 1.** Изменение типологического состава колчанного набора, конструкции поясов и портупейной системы при смене культур. 1–12 – алды-бельская культура: 1–10 – погребально-поминальный комплекс Чинге-Тэй I; 11, 12 – погребально-поминальный комплекс Аржан-2; 13–27 – уюкско-саглынская культура, могильник Догээ-Баары II (по материалам автора). 9, 10, 12, 21, 22, 24 – бронза, кожа; 11 – золото; остальное – бронза. Без масштаба

**Fig. 1.** Changes in the typological composition of quiver set, belt design and the waist belt system during the replacement of cultures. 1–12 – Aldy-Bel' culture: 1–10 – burial complexes and ritual deposits at Chinge-Tey I; 11, 12 – burial complexes and ritual deposits at Arzhan-2; 13–27 – Uyuk-Sagly culture, cemetery of Dogee-Baary II (after the author's materials). 9, 10, 12, 21, 22, 24 – bronze, leather; 11 – gold. The rest bronze. Without scale

Таким образом, представляется, что при составлении колонной секвенции археологических культур, которую, безусловно, необходимо разрабатывать для каждого региона, нужно учитывать фактор мультикультурности. Признание факта чрезвычайной смешанности населения, различного по проис-

хождению и часто сохраняющего связанные с ним культурные особенности, несомненно, усложняет работу по анализу культурных процессов, но позволяет приблизить искусственные исследовательские конструкты к реальной истории.

- Амзараков и др., 2015 – Амзараков П. Б., Лазаретов И. П., Поляков А. В. Погребение финальной стадии эпохи поздней бронзы в истоках реки Иджим (Ермаковский район Красноярского края) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2015. Т. 14. Вып. 7: Археология и этнография. С. 72–83.*
- Бейсенов, 2015 – Бейсенов А. З. Центральный Казахстан в раннем железном веке // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 6. Ч. 2. С. 22–31.*
- Боковенко, 1995 – Боковенко Н. А. Новый памятник аржанского этапа в центре Азии // Южная Сибирь в древности / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: ИИМК РАН, 1995. С. 85–90. (АИ. № 24).*
- Вайнштейн, 1958 – Вайнштейн С. И. Некоторые итоги работ Тувинского НИИЯЛИ в 1956–1957 гг. // УЗ ТНИИЯЛИ. 1958. Вып. VI. С. 217–237.*
- Грач, 1971 – Грач А. Д. Новые данные о древней истории Тувы // УЗ ТНИИЯЛИ. 1971. Вып. XV. С. 93–106.*
- Грач, 1980 – Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980. 256 с.*
- Длужневская, 1985 – Длужневская Г. В. Раскопки могильников Бедиг-Хорум и Сарыг-Хая III // АО 1983 года. М.: Наука, 1985. С. 201–202.*
- Кармышева, 1976 – Кармышева Б. Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М.: Наука, 1976. 323 с.*
- Карпов, 2007 – Карпов Ю. Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты и социальный опыт горцев Дагестана. СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. 656 с. (Ethnographica Petropolitana).*
- Карпов, Капустина, 2011 – Карпов Ю. Ю., Капустина Е. Л. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб.: Петербургское востоковедение, 2011. 448 с. (Ethnographica Petropolitana).*
- Килуновская, 2013 – Килуновская М. Е. Памятники раннескифского времени Тувы (по материалам раскопок ТАЭ в 2011–2013 гг.) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Материалы V Междунар. науч. конф.: в 2 ч. Кызыл, 15–19 сент. 2014 / Отв. ред. Е. В. Айыжы, Р. Ш. Харунов. Кызыл: Тувинский гос. ун-т, 2014. Ч. 1. С. 88–93.*
- Килуновская, Леус, 2018 – Килуновская М. Е., Леус П. М. Новые материалы улуг-хемской культуры в Туве // АВ. 2018. Вып. 24. С. 125–152.*
- Кисель, 2015 – Кисель В. А. Начало кочевнической культуры в центре Азии // АСГЭ. 2015. Вып. 40. С. 54–67.*
- Ковалёв, Эрдэнэбаатар, 2010 – Ковалёв А. А., Эрдэнэбаатар Д. Поздний бронзовый век и начало раннего железного века Монголии в свете открытий Международной Центрально-Азиатской археологической экспедиции // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири / Отв. ред. А. Д. Цыбиктаров. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. С. 104–117.*
- Ковалёв, Эрдэнэбаатар, 2014 – Ковалёв А. А., Эрдэнэбаатар Д. Открытие в центре Евразии новой культуры эпохи развитой бронзы (мунх-хайрханская культура) // РАЕ. 2014. Вып. 4. С. 194–225.*
- Кызласов, 1958 – Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы (в кратком изложении) // ВМУ. Сер. ист.-филол. 1958. № 4. С. 71–99.*
- Кызласов, 1979 – Кызласов Л. Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во МГУ, 1979. 206 с.*
- Леус, Бельский, 2016 – Леус П. М., Бельский С. В. Терезин I – могильник эпохи хунну в Центральной Туве // АВ. 2016. Вып. 22. С. 93–104.*
- Маннай-оол, 1970 – Маннай-оол М. Х. Тува в скифское время (уюкская культура). М.: Наука, 1970. 116 с.*
- Рябкова, 2002 – Рябкова Т. В. Скифская легенда о сосуде царя Арианта в передаче Геродота и ее отражение в археологическом материале // Этническое единство и специфика культур. Материалы Первых Санкт-Петербургских этнографических чтений / Отв. ред. А. В. Коновалов. СПб.: РЭМ, 2002. С. 9–13.*

- Савинов, 2002 – Савинов Д. Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. 202 с.
- Семенов, 1992 – Семенов Вл. А. Уюкские курганы // Вторые исторические чтения памяти М. П. Грязнова / Отв. ред. В. И. Матющенко. Омск: Омский университет, 1992. Ч. 2. С. 63–65.
- Семенов, 1997 – Семенов Вл. А. Монгун-Тайга (археологические исследования в Туве в 1994–1995 гг.). СПб.: ИИМК РАН, 1997. 48 с. (АИ. Вып. 41).
- Семенов, 2012 – Семенов Вл. А. Погребение раннескифского времени на могильнике Суме-Беш в Туве // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями / Ред. В. А. Алёшин и др. СПб.: ООО «Периферия», 2012. Кн. 2. С. 432–435.
- Фролов, 2008 – Фролов Я. В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н. э.–II в. н. э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул: Азбука, 2008. 479 с.
- Хаврин, 2002 – Хаврин С. В. Металлургия Саяно-Алтая скифского времени // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша. Связующие пути и организующие центры. Шестые чтения памяти Анны Мачинской / Науч. ред. Д. А. Мачинский. СПб.: Староладожский ист.-арх. и археол. музей-заповедник, 2002. С. 70–71.
- Цыбиктаров, 1998 – Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 1998. 288 с.
- Чикишева, 2008 – Чикишева Т. А. К вопросу формирования антропологического состава ранних кочевников Тувы // АЭАЕ. 2008. № 4. С. 120–139.
- Чугунов, 2001 – Чугунов К. В. Локально-хронологические особенности культуры Тувы в середине I тысячелетия до н. э. // Евразия сквозь века / Отв. ред. И. Я. Фроянов, С. Н. Астахов. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2001. С. 173–178.
- Чугунов, 2018 – Чугунов К. В. Цари и боги Азиатской Скифии (по материалам кургана Аржан-2) // Археологія і давня історія України. 2018. 2(27). С. 25–34.
- Caspari et al., 2018 – Caspari G., Sadykov T., Blochin J., Hajdas I. Tunnug 1 (Arzhan 0) – an early Scythian kurgan in Tuva Republic, Russia // Archaeological Research in Asia. 2018. Vol. 15. P. 82–87.
- Rawson, 2017 – Rawson J. China and the steppe: reception and resistance // Antiquity. 2017. 91. P. 375–388.

## Tuva in the first millennium BC: a model of multiculturalism

K. V. Chugunov

At the example of the periodization of archaeological cultures of Tuva, the present author proposes a model of multiculturalism which must be taken in consideration in reconstructions of the processes of cultural genesis. The entire circle of antiquities of Tuva prior to the epoch of early nomads is defined as the Mongun-Tayga culture. This definition is justified only as a research constructs comprising the whole diversity of the sites. In that period, Tuva was a peripheral zone of the group of archaeological cultures of Mongolia and a transitory territory via which the routes to the Minusinsk Depression and backwards passed.

A. D. Grach's periodization implied the replacement of the Aldy-Bel' culture by the bearers of the Sagly culture. The modern state of the sources confirms the correctness of this scheme. However, the new materials demonstrate the coexistence of different cultural models. The bearers of the Aldy-Bel' culture who came to

Tuva after the appearance of sites of the Arzhan type probably constituted the horsemen elite of the society. They were coexisting with the Mongun-Tayga people who, according to the anthropological data, became a substratum for the Sagly culture. The Uyuk type of the sites, identified within the frame of the Sagly culture, reflects retention of certain traditions of the early Scythian period. At the same time, the innovations expressed not only in the change of the burial rite but also in the character of the non-ferrous metallurgy and in key types of weaponry and ammunition (Fig. 1) indicate a replacement of cultures rather than their evolutionary development. The late, Ozen-Ala-Belig stage of the epoch of early nomads of Tuva is fairly monolithic, but of this period multiculturalism is characteristic which is traced through materials of flat-grave necropolises. Possibly, the latter were left by the agriculturalists who migrated here because of the activity of the Xiongnu.